

ДЕЙНЕКА Ольга Сергеевна

СНИЖЕНИЕ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

ОБ АВТОРЕ:

*Профессор кафедры политической психологии,
доктор психологических наук.*

Окончила факультет психологии ЛГУ им. А. А. Жданова.

«На какое-то время власть и собственность могут быть разделены — будь то силой или обманом, — но различить их навсегда — никогда не удастся. Ведь, ощутив болезненность такого разделения... собственность сразу же купит власть, либо власть захватит собственность».

М. Петерсон

У общества, которое исследует и объективирует свои социальные болезни, больше шансов для оздоровления и стратегического развития. Проблемы коррупции вызывают активный интерес у специалистов разных областей знания. Однако попытки исследовать коррупцию с опорой на психологическое и в частности политико-психологическое знание пока немногочисленны.

Поскольку политика — это важнейшая сфера жизнедеятельности общества, государства и каждого гражданина, она выступает мощным фактором усиления или, напротив, снижения уровня преступности и противоправного поведения. И, напротив, уровень противоправного поведения, в частности коррупции, выходя за допустимые для населения рамки и затрагивая государственный уровень, становится политическим явлением.

Ядром политики является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти, участия в делах государства, определения форм, задач, содержания его деятельности. Благополучие, благосостояние и правопорядок в обществе зависят от того, как исполняется государством его регулирующая роль и в какой степени им обслуживаются ожидания населения.

При деформации социальных регуляторов

в обществе они активно замещаются таким противоправным вариантом регуляции социальных отношений разного уровня организации, как коррупция, которая, в свою очередь, мешает действию правовых и моральных регуляторов.

Коррупцию определяют как преступную деятельность в сфере политики или государственного управления, заключающуюся в использовании должностными лицами предоставленных им прав и властных полномочий для реализации корыстного умысла для достижения личных целей¹.

Политологи и экономисты, социологи и культурологи единодушно признают, что коррупция как массовое явление неизменно возникает *в переходные фазы общественного развития*, когда старые структуры разлагаются или начинают отмирать, а новые зарождаются в рамках еще сохраняющейся (или уже отмирающей) системы правовых отношений².

Состояние коррупции на современном этапе имеет историко-политические предпосылки. По мнению Н. А. Симонии (2000), масштабность и глубина проникновения коррупции в поры общества зависит от варианта становления бюрократического капитализма. Поскольку в странах *«догоняющей модели»* инициатива капитализма и организующая роль шла от государственной бюрократии, то для большинства стран догоняющего развития характерен бюрократический капитализм, который был представлен двумя вариантами³:

- 1 Тарасов А. М. Президентский контроль. Уч. пос. СПб, 2004.
- 2 Нестик Т. А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. Вып. № 4/2; Симония Н. А. О коррупции и государстве // Личность и мир. Вып. № 7. М.: РАЕН, 2000.
- 3 Симония Н. А. О коррупции и государстве // Личность и мир. Вып. № 7. М.: РАЕН, 2000.

Бюрократический капитализм при сильном государстве, которое выступает системообразующим фактором, «выращивает» капиталистов, непосредственно или косвенно регулирует экономическое развитие в национальных интересах и в соответствии с четкой стратегией (договорная Япония, Южная Корея с 1960-х гг., НЭП в России). При всех издержках такой капитализм соответствует национальным интересам, однако этот вариант реализуется лишь при наличии сильной верховной власти.

Бюрократический капитализм в условиях слабого государства. В этом случае при ослаблении контроля верховной власти над бюрократией она быстро «раскрепощается» и перестает быть законопослушной, игнорирует национальную стратегию развития, а ее отдельные представители или группы начинают использовать свое государственное положение и государственную собственность для организации собственного бизнеса.

Первый вариант назовем патриотическим бюрократическим капитализмом, а второй — компрадорским бюрократическим капитализмом.

В качестве дополнительного фактора усиления коррупции можно выделить интенсификацию глобализации, которая стимулирует увеличение расходов государства, что косвенно сказывается на уровне коррупции. В этих условиях разрастанию коррупции препятствуют развитое гражданское общество и политическая демократия.

Коррупция — противоправный вариант регуляции социальных отношений разного уровня организации. Прежде всего это деформация института государства. Ученые интерпретируют ее как результат более широкого феномена «болезни институтов» («sick institutions»), когда нарушаются системы информации, стимулов и ответственности⁴. Согласно точке зрения С. Хантингтона, коррупционные процессы усиливаются в период модернизации, когда политическая активность опережает институционализацию.

Деформации социально-экономических и правовых отношений на уровне институтов способствуют усилению деформаций на уровне личности. Многие ученые обеспокоены такой тенденцией, пишут о превращении коррупции в образ жизни, в некую социальную норму⁵. Т. А. Нестик отмечает, что пропаганда предприимчивости, предпринимательского поведения среди государственных служащих при снижении контроля их деятельности в начале 1990-х гг. и при

отсутствии законодательного подкрепления для многих сделок между администрациями и бизнесом привели к моральной деформации. Нарушаемые при этом правила стали не без оснований рассматриваться как «несовершенные и устаревшие», т. е. как правила, соблюдение которых не является моральным долгом⁶.

Эмпирическое подтверждение изменения норм и стереотипов в среде госслужащих (как следствие пропаганды предприимчивости) было найдено в выполненном под нашим руководством диссертационном исследовании А. Е. Николаева⁷. На представительной выборке государственных менеджеров (545 чел.) выявлен стереотип отношения к государственным финансам как к возможному источнику прибыли, свидетельствующий о смещении государственной экономической политики с бизнесом. Однако бюджетные средства не предназначены для извлечения прибыли. Во многих странах это жестко закреплено законодательно. Финансовое хозяйство государства является экономикой, нацеленной на покрытие потребностей, а не на производство, и, значит, оно не ориентировано на прибыльную работу, т. е. на превышение доходов над своими расходами. Если вся экономика «заражается» характеристиками бизнеса, то в неустоявшейся экономической системе значительно больше потерь, издержек и затрат⁸. Кроме того, такой стереотип провоцирует недоверие к финансовой власти, так как за прибылью всегда скрывается неопределенность по поводу способов ее получения.

К деформирующим экономику воплощениям коррупции относят нелегальный рынок прав собственности⁹, незаконный прием в конкурентной борьбе¹⁰ и фактор нарушения экономической демократии¹¹ субститут доли прибыли и элемент нелегальных финансовых потоков¹², фактор уменьшения частных внутренних и иностранных инвестиций, повы-

4 Нестик Т. А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. № 4/2. 2002; Бондаренко И. А. Коррупция: экономический анализ на региональном уровне. СПб: Петрополис, 2001; Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. XXI век. Т. 2. 2001.

5 Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия. М., 2003; Сатаров Г. А. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

6 Нестик Т. А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. Вып. № 4/2.

7 Николаев А. Е. Психологические факторы в политике реформирования системы управления общественными финансами. Автореф. дисс. канд. психол. наук. СПб, 2006.

8 Дейнека О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. С. 230.

9 Притцль Р. Ф. Коррупция, ретроориентированное поведение и организованная преступность в России // Политэконом. 1997. № 1. С. 67.

10 Аринин А. Н. Становление частной собственности в современной России // Личность и мир. Вып. № 7. М.: РАЕН, 2000.

11 Нестик Т. А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. Вып. № 4/2; Бондаренко И. А. Коррупция: экономический анализ на региональном уровне. СПб: Петрополис, 2001; Braun M., Di Tella R. Inflation, Inflation Variability, and Corruption // Economics and Politics. 2004. 16(1), 77–100.

12 Бондаренко И. А. Коррупция: экономический анализ на региональном уровне. СПб: Петрополис, 2001; Braun M., Di Tella R. Inflation, Inflation Variability, and Corruption // Economics and Politics. 2004. 16(1), 77–100; Кузьминов Я. И. Тезисы о коррупции. ГУ ВШЭ. М., 1999. С. 8–12.

шения инфляции, возрастания неэффективных государственных расходов¹³.

Зарубежные специалисты с коррупцией связывают дефициты эффективности текущих реформ в России. Так, например, причина недостаточно высоких практических результатов бюджетной реформы в России за последние 5 лет, согласно документам Всемирного Банка, усматривается в коррупции¹⁴. Уильям Браудер, руководитель инвестиционной компании Hermitage Capital Management, указывает, что ценой коррупции для России стала резко сниженная капитализация крупнейших российских компаний («Газпром» и РАО «ЕЭС России»), если сравнивать ее с аналогичными компаниями на Западе¹⁷.

Основные политические последствия коррупции представлены разрушением государственной системы; разрушением государственного аппарата, правоохранительных и судебных органов; торможением нормального экономического развития.

К психологическим последствиям коррупции следует отнести потерю доверия к государственной власти и бизнесу; деформацию норм и ценностей граждан; усиление противоправного поведения; нарушение созидательной мотивации предпринимателей, разрушение установки на качество производства товаров и услуг.

Социально-психологические механизмы, используемые для интерпретации коррупции, позволяют рассматривать ее как возмещение дефицита социального капитала¹⁵, а также с точки зрения вынужденного конформного поведения¹⁶. Если при объяснении коррупции иметь в виду специфику деловой культуры русских, то с опорой на исследования различий деловых культур, ментальности разных стран и народов¹⁷ ее можно охарактеризовать как «отношенческую». С учетом этой психологической и культурной специфики отечественную экономику называют «раздаточной», «служебно-домашней» экономикой¹⁸, поскольку она опирается на общинные коллективистские традиции и в ней сильна архетипическая составляющая восточных традиций.

13 Becker G. Crime and punishment: an economic approach // The Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. No. 2. 169–217; Gatti R. Corruption and trade tariffs, or a case for uniform tariffs? / World Bank Working Paper. 1999. No. 2216; Mauro P. Corruption and growth // Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110 (3). 681–712.

14 Административная реформа и реформа государственного регулирования в России. Устранение потенциальных источников коррупции. Аналитическая записка Всемирного Банка, документ № 36157-RU, 1 октября 2006 г. С. 57.

15 Нестик Т. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. № 4/2. 2002.

16 Бондаренко И. А. Коррупция: экономический анализ на региональном уровне. СПб: Петрополис, 2001.

17 Шихирев П. Н. Этические принципы ведения дел в России. М., 1999; Боронов А. О, Смирнов П. И. Российский менталитет и реформы / Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 442–474.

18 Там же.

В поиске политико-психологических предпосылок снижения коррупции в современной России чрезвычайно важен научный анализ отношения к ней как к явлению и к антикоррупционной политике государства представителей различных социальных групп.

В коррупционные процессы вовлекается все общество¹⁹, но основными фигурантами выступают чиновники, с одной стороны, и бизнесмены, с другой стороны. Одна из исследовательских задач нашей работы состояла в поиске ответа на вопрос, какая из этих сторон (бюрократия или бизнес) меньше заражена вирусом коррупции в настоящее время. Кроме того, ставилась задача определения некоторых личностных коррелятов антикоррупционных установок.

Для решения поставленных задач было предпринято сравнительное эмпирическое исследование отношения к феномену коррупции у предпринимателей малого бизнеса и государственных менеджеров на фоне продолжающихся в России административно-финансовых реформ.

Метод. В качестве основного метода использовался разработанный нами (совместно с Е. Касьяновым) многофакторный шкальный опросник (с 7-балльной шкалой), затрагивающий разные стороны и характеристики коррупции. В качестве дополнительных методик использовались типологический опросник субъектов хозяйствования О. С. Дейнека²⁰ и тест макиавеллизма В. В. Знакова²¹. В исследовании участвовали 99 испытуемых: 45 предпринимателей малого бизнеса Санкт-Петербурга и 54 государственных служащих, повышавших квалификацию в Северо-Западной академии государственной службы.

Результаты исследования показали как общие черты отношения к коррупции в сравниваемых группах, так и статистически достоверные различия между ними.

В обыденном сознании испытуемых в обеих группах **основными причинами жизнеспособности коррупции являются низкая зарплата чиновников и слишком большие полномочия** (так называемая дискреционная власть), которыми они наделены. Помимо этого рост коррупции обуславливают такие системные предпосылки, как признание частной собственности и отсутствие заинтересованности государственных структур и правительства в профилактике и пресечении коррупции. В качестве одного

19 Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия. М., 2003; Сатаров Г. А. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции // Общественные науки и современность. 2002. № 6; Гильманов С. А. Некоторые социально-психологические характеристики поведения взяточдателей / Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Иркутск: БГУЭП, 2005.

20 Дейнека О. С. Бизнес и личность: типологический подход // Психология и социология в бизнесе (материалы межд. конгресса). Минск, 2005. С. 5–9.

21 Знаков В. В. Время как фактор изменений личности. М., 2003.

из самых серьезных видов и факторов коррупции испытуемыми признается коррупция в правоохранительных органах, которая лишает граждан чувства безопасности.

И предприниматели, и госчиновники не могут представить себе российский бизнес без коррупции, но далеко не все из них считают использование взяток нормой современного бизнеса. Тем не менее предприниматели в большей степени принимают эту негативную норму и **допускают подарки в сфере обслуживания за дополнительные усилия**. Один из психологических механизмов лежит в особенностях их денежного поведения. Как было показано нами ранее, предприниматели чаще, чем представители других социальных групп, используют деньги как власть, поощряя и наказывая ими²².

Что касается знания существующего законодательства о коррупции, то получена тесная корреляционная связь, свидетельствующая о том, что среди предпринимателей, считающих использование взяток нормой современного бизнеса, больше тех, которые обладают знанием статей УК РФ, связанных с коррупцией. Этот факт косвенно подтверждает несовершенство и слабую действенность указанных законов, **что проявляется в парадоксальном явлении, когда знание законов «освобождает» предпринимателей от ответственности**. Кроме того, те испытуемые, которые приспособились к существующей системе регуляции социальных отношений и воспринимают взятки как социальную норму, в меньшей степени ратуют за публичное осуждение коррупции в СМИ. Таким образом, знание законов о коррупции оказалось совместимо с признанием ее нормой социального поведения.

Исследование также показало низкую степень доверия к российскому государству как институту, способному соблюдать предлагаемые им правила игры. Экономический оптимизм испытуемых оказался связан с верой в позитивные последствия взаимодействия с международными организациями по борьбе с коррупцией. С международной помощью связывается предпринимателями и работа в этом направлении бизнес-ассоциаций и общественных организаций.

Представители бизнеса оказались более терпимы к коррупции и в большей степени, чем чиновники, опасаются мер по борьбе с ней, что выражается, например, в согласии с утверждением «Активная борьба с коррупцией может ухудшить благосостояние моей организации», в отличие от чиновников. Предприниматели проявили значимо большую осторожность по поводу мнения о том, что

начинать борьбу с коррупцией надо с ее профилактики через управленцев и СМИ по сравнению с государственными менеджерами. Чиновники лучше осведомлены о законах и последствиях коррупции, а также более оптимистичны в отношении возможностей борьбы с ней.

Если ранжировать антикоррупционные меры по степени предпочтения и готовности к ним обследованных граждан, то на первое место в обеих группах поставлены превентивные меры, а именно: антикоррупционное обучение и воспитание. Предприниматели не хотели бы введения санкций в виде жестких финансовых наказаний, а у государственных служащих такие меры выходят на второе место.

Исследование позволило также выявить некоторые личностные корреляты принятия коррупции или индифферентного отношения к ней, которые оказались в большей степени выражены у предпринимателей. Это **преобладание мотива достижения успеха над мотивом избегания неудачи; преобладание тактики над стратегией; высокий уровень макиавеллизма** (потребности власти над другими людьми).

У чиновников наиболее тесные связи принятия коррупции обнаружены с желанием сохранить статус-кво и такими характеристиками функционального типа, как преобладание мотива достижения над мотивом избегания неудачи и предпочтение жить сегодняшним днем. Краткосрочная ориентация, согласно Г. Хофстеде²³, рассматривается как одна из культурных детерминант коррупции. Среди государственных менеджеров, которые считают, что бороться с коррупцией бессмысленно, не только те испытуемые, которые к ней адаптировались, но также и те, которые считают, что у российской экономики пока нет концепции развития. Напротив, лица, проявляющие экономический оптимизм и коллективистские ориентации на социальную пользу, показали менее скептическое и апатичное отношение к возможности снизить коррупцию в России.

Таким образом, психологический анализ отношения к коррупции показал, что **социально-политическую апатию к преодолению коррупции в большей степени, чем чиновники, демонстрируют предприниматели**.

Полученные данные согласуются с предлагаемыми нами теоретическими посылками анализа роли бизнеса в рамках системного подхода²⁴. В системе «бизнес—государство» бизнес берет на себя функ-

22 Дейнека О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. С. 230.

23 Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Newbury park, CA: Sage, 1980.

24 Дейнека О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. С. 230; Дейнека О. С. Противоречия и перспективы ресурсного подхода в экономической психологии // Проблемы экономической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко. Т. 2. М.: ИПРАН, 2005. С. 66–97.

цию риска и прогресса, а государство — функцию стабильности и надежности. **Современный бизнес требует все больше поиска, творчества, инноваций, риска.** Он, образно выражаясь, толкает, но и раскачивает лодку экономики. Поэтому **роль регулятора и стабилизатора, закреплённая за государством** (главным фигурантом экономики и экономической политики), **возрастает.** Бизнес имеет право на ошибку. Развитие с использованием метода проб и ошибок органично для него, в особенности, если это малый бизнес. Однако бизнес заражает риском, быстротечностью всю экономику, и она вынуждена делать некоторые «прививки», способствующие выравниваю балансов. В этом случае государство должно научиться «заражать» бизнес порядком и социальной ответственностью без коррупции.

Будучи более активным, чем бюрократия, началом и часто инспирируя коррупцию для ускорения, упрощения и подстраховки своей деятельности, бизнес (особенно малый) сам становится ее жертвой, но и более гибко, чем другие социальные группы, адаптируется в условиях, при которых коррупция является суррогатом регуляции экономических отношений в обществе. Несомненно, нравственно-психологическая регуляция в бизнесе существенно зависит от организационной культуры²⁵, но это пока не снимает типических проблемных зон в психологии бизнеса.

Очевидно, **что преодолевать рост коррупции необходимо, начиная с государства,** его институтов и персоналий, наделенных полномочиями этих институтов. Только при авторитетном государстве, реализующем свою стабилизирующую функцию, а также с помощью гражданского общества как одной из контролирующих инстанций возможно антикоррупционное оздоровление бизнеса. **Согласно нашим данным,** чиновники в большей степени, чем представители бизнеса, психологически «открыты» для антикоррупционных мер. Несмотря на то, что предприниматели также осознают негативные

последствия коррупции, они в силу доминирования частного интереса над общественным, мотива прибыли над мотивом социального благополучия, готовности к риску, суженной временной перспективе чаще, чем госслужащие, выступают против антикоррупционных мер. Предприниматели в большей степени, чем госслужащие, боятся потерь от борьбы с коррупцией (последние не стимулированы, как во многих зарубежных странах, потерей не только зарплаты, увольнением, но и потерей пенсий за противоправный проступок).

Политико-психологический потенциал снижения коррупции в современной России включает в себя адекватный баланс в системе регуляции «рынок—государство», предполагающий ведущую роль государства; полноценную реализацию государством своих функций (сильное, имеющее стратегию, авторитетное, национально ориентированное государство); осуществление модернизации экономических и политических институтов в сочетании с мерами поддержания стабильности и с опорой на традиции, менталитет. Одной из предпосылок снижения уровня коррупции является учет в антикоррупционной политике отношения к ней представителей различных социальных групп.

Для выравнивания социально-экономической регуляции в обществе в настоящее время и чиновники, и предприниматели предпочитают превентивные меры (антикоррупционное обучение и воспитание граждан). В обыденном сознании приоритет отдается морально-нравственной регуляторам (ценностям, смыслам) и мерам их совершенствования, результаты которых ожидаются в долгосрочной перспективе, а в краткосрочной перспективе — экономическим (штрафы и стимулы, добросовестные конкурсы) и правовым мерам (совершенствование законов, четкость и единообразие правил и справедливость санкций). **Текущие меры антикоррупционной политики целесообразно осуществлять с опорой на государственных служащих, а в долгосрочной перспективе — с опорой на все общество.**

25 Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: ИП РАН, 2003. С. 435.